

Не пытайтесь урезонить его (2)

Почувствовав что-то неладное с самого начала, кто-то уже побежал докладывать благородной супруге Су. Так что, вся троица из дворца Юцуй, естественно, очень скоро примчалась на место происшествия.

— Что случилось? — спросил император Лэчэн с невозмутимым выражением лица.

Глядя на эту сцену, было очевидно, что Цзинь циньван издевается над Миньсян гунчжу, но император Лэчэн и Су гуйфэй в это не верили. Этот их сын, действительно, иногда был никчемным, но, даже иногда создавая неприятности из ничего, он не приближался к женщинам по своей воле (за исключением тех красавиц, которые ему нравились), не говоря уже о Миньсян, его младшей сестре. Что еще более важно, Ли Хун Юаня никогда не интересовало запугивание молодых и слабых. Только посмотрите, каких людей он обычно "обижает". Станет ли кто-то вроде него, отваживающегося возражать и вступать в конфронтацию с императором Лэчэном или осмеливающегося презрительно насмехаться над придворными чиновниками, или позволяющего себе не быть снисходительным к своим братьям и не имеющего никакого интереса возиться с этими благородными молодыми господами, становившимися мышами перед кошкой при взгляде на него, намеренно запугивать маленькую девочку? Он не настолько уж ребячлив и безрассуден.

А вот Ли Хун Мин смотрел на Ли Хун Юаня со скептицизмом и сомнением.

Фрейлины Миньсян гунчжу быстро объяснили всю ситуацию.

Благородная супруга Су закончила слушать, затем снова посмотрела на холодное лицо Ли Хун Юаня. Опасаясь, что Миньсян "по глупости" сделала его несчастным, она быстро приказала служанкам немедленно доставить дочь обратно во дворец. После этого она осторожно объяснила Ли Хун Юаню:

— Юань эр должен знать, что в семилетнем возрасте Миньсян серьезно заболела. После того, как выздоровела, она больше не могла смотреть на жидкости красного цвета. Императорский врач сказал, что Миньсян, должно быть, где-то видела кровь и испугалась. Но когда мы спросили ее, она не смогла ничего объяснить. После этого мы, по возможности, избегаем показывать ей красные жидкости.

— Этот сын не знал, — Ли Хун Юань, нахмурившись, прекратил вытирать руки и посмотрел на шелковый платок, окрашенный в красный цвет в его руках.

Су гуйфэй видела, что его лицо по-прежнему ничего не выражало, но чувствовала в нем какую-то вину. Подобное уже было редкостью.

— Незнающего не винят, ошибка по незнанию – не преступление. Тебе не нужно принимать это близко к сердцу, — Ли Хун Юань на самом деле был очень холоден ко всем, кроме

приемной матери, с которой немного сблизился. Даже Ли Хун Мин и Миньсян, выросшие вместе с ним во дворце Юйцуй, не смогли привязать его к себе. Поэтому благородную супругу Су не так уж удивляло то, что он не знал об этом деле.

— Шестой брат на самом деле не слышал о таком важном деле, узнай Миньсян об этом, боюсь, она сильно опечалится. В конце концов, Миньсян всегда очень любила шестого брата, не так ли? — поддразнил Ли Хун Мин. — Этот принц изначально думал, что шестой брат полностью осознает это и намеренно повел себя именно так. Из-за того, что Миньсян не послушала тебя минуту назад, ты специально испортил ей настроение.

Ли Хун Юань апатично посмотрел на него:

— О, значит, в глазах постороннего этот принц такой недалекий и мелочный человек. Если у третьего брата есть что-то, чего ты боишься, не забудь хорошенько скрыть это, чтобы однажды я не узнал и не использовал, чтобы "поиздеваться" над третьим братом.

— А ну, заткнулись все, — император Лэчэн никогда не был кровожадным императором. Будучи уже в годах, он надеялся на дружбу своих сыновей и счастливую гармонию в семье, но прекрасно знал, что это невозможно и что его сыновья не на жизнь, а на смерть сражались из-за того стула, на котором он сидел. Когда это не выходило на поверхность, он все еще был готов обманывать себя, но разговоры с "иглами, спрятанными в шелковых оческах" [1] у него на глазах, действительно, заставляли его сердиться.

Благородная супруга Су также бросила на каждого предостерегающий взгляд, молчаливо приказывая им замолчать.

— Муфэй должна пойти проверить Миньсян, этот сын видел, что она очень напугана. Гораздо лучше будет, если вы останетесь сейчас рядом с ней.

Су гуйфэй тоже знала об этом и тоже очень волновалась внутри:

— Тогда, Юань эр, подожди у муфэй, послеобеденная трапеза...

— Муфэй, этот сын может сопровождать вас за трапезой в любое время. Я могу даже приходить во дворец каждый день, чтобы сопровождать вас, до тех пор, пока не надоем. Это того не стоит, Миньсян важнее.

Благородная супруга Су все еще колебалась.

— Императорский отец, муфэй, этот сын вдруг кое о чем вспомнил, поэтому уйдет первым, — не дожидаясь их ответов, закончив с любезностями, он просто повернулся и ушел, все такой же наглый и высокомерный, как и прежде. Но, пройдя несколько шагов, он вдруг снова остановился: — Муфэй, что любит Миньсян?

Су гуйфэй была удивлена. Он хотел подготовить подарок для Миньсян в качестве извинения? Она с улыбкой открыла рот:

— Ей нравится все то же, что и нормальным девушкам.

— ...Понятно, — независимо ни от чего, столкновение с чем-то таким всегда раздражало.

Для Ли Хун Юаня такая забота о чем-то была редкостью. Император Лэчэн чувствовал себя вполне довольным. Если бы это относилось к нему, то он, вероятно, ощутил бы еще большее счастье. Как только он почувствовал себя счастливым, то желание компенсировать Ли Хун Юаню неудачный брак возросло примерно на треть.

Ли Хун Мин опустил голову и закрыл глаза, скрывая все эмоции. Нельзя винить его за то, что, даже если их воспитала одна и та же мать, он все равно обижался на Ли Хун Юаня и ревновал, как и другие его братья. То, что Ли Хун Юань мог и осмеливался творить, они не могли и не осмеливались. Если бы они сделали что-то не по правилам, их бы всех отчитали. Но постыдные поступки Ли Хун Юаня можно было считать сотнями, и все же самое большее, что он получал, — это нагоняй императорского отца и разочарование муфэй. Придворные ничего не говорили, и даже цензоры молчали. Напротив, прояви он хоть малейшую привязанность к своим братьям и сестрам или заботу о старших, то императорский отец и муфэй лучились бы от удовольствия и радости. Но для них, независимо от того, насколько почтительно они вели себя, в лучшем случае, они просто получали улыбку в ответ: "Ты такой внимательный", и ничего больше.

Вот в чем разница! Ожидания, диктуемые привычками! Каким бы бунтарем он ни был, он не сможет стать хуже! Каким бы выдающимся человеком он ни был, он не станет лучше. Напротив, если человек, постоянно выходящий за рамки дозволенного, вдруг сделает что-то, что доставит людям удовольствие, он сможет немедленно заставить их забыть о своих недостатках. А если выдающийся человек вдруг сделает что-то из ряда вон выходящее, то все то хорошее, что было прежде, полностью сотрется, заставив людей помнить только об этом, и, более того, принимать это близко к сердцу. Потом, в будущем, сталкиваясь с подобными случаями, они сразу же вспоминали бы о нем, больше не могущим быть таким же чистым, как до запятнавшего его инцидента.

И темпераменту Ли Хун Юаня, "созданному" благоволением императора, преимуществами местности и "единством людей", другие просто не были способны подражать.

Ли Хун Мин не только подозревал Ли Хун Юаня в том, что сейчас он намеренно напугал Миньсян, но и в том, что именно он был тем человеком, который вызвал у Миньсян страх перед жидкостями красного цвета. В конце концов, после той страшной болезни Миньсян подсознательно начала бояться Ли Хун Юаня и отдаляться от него. Конечно, в то время это было практически незаметно. Когда Миньсян была маленькой, ей очень нравилось цепляться за Ли Хун Юаня и хвостиком следовать за ним. Оправившись от той болезни, она, казалось, вела себя так же, как и раньше, но они медленно отдалились друг от друга. Кроме того, Ли Хун Юань позже покинул дворец, уехав в ванфу, и его характер ухудшался все больше, так что полное отчуждение этих двоих, по-видимому, также было вполне логично. Но Ли Хун Мин всеми фибрами души чувствовал, что что-то не так. Однако скептический настрой не мог

предоставить ему доказательства. В конце концов, в то время сама Миньсян тоже не могла рассказать о причине. Даже когда муфэй тщательно все расследовала, она ничего не нашла.

Теперь Миньсян боялась его, ну и что с того? Многие боялись его. Из этих гордых и своенравных, невыносимо высокомерных гунчжу и цзюньчжу никто не осмеливался задирать перед ним свой нос.

Если бы Ли Хун Юань узнал о мыслях Ли Хун Мина, он, вероятно, сказал бы ему два слова: "довольно догадлив".

В тот год, когда Миньсян гунчжу исполнилось семь лет, Ли Хун Юаню было четырнадцать. Какой бы нежной ни выглядела его оболочка, она все равно не могла скрыть того факта, что он взрослый человек, который когда-то был императором, пережившим и прошедшим через бесчисленные трудности. Захоти он разобраться с маленьким ребенком безо всякой причины, то был бы не в своем уме. Раз он так поступил, значит, причины на то имелись. И поскольку она не преграждала ему путь, то такую чрезмерность против маленькой девочки можно было объяснить только тем, что дело Миньсян связано с Цзин Вань.

[1] Игла, спрятанная в шелковых оческах — обр. в знач.: держать камень за пазухой; мягко стелет, да жестко спит; на устах мед, а на сердце лед), с подвохом.

Очесок (очес) — короткое, путаное волокно, получаемое при машинном прочесе трепаного льна. Оческовая пряжа идет на ткани, начиная с мешковины и кончая бельевым полотном средней тонины

<http://tl.rulate.ru/book/19909/938884>